

Саша
БУШМИНА

ПОСЛЕ
РАЗВОДА
Скандальное
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Саша Бушмина

После развода.

Скандальное возвращение

«Автор»

2026

Бушмина С.

После развода. Скандальное возвращение / С. Бушмина —
«Автор», 2026

– Моя любовница беременна. Шестой месяц у нее уже, – грубо выплевывает муж. – Шестой... месяц? – повторяю, чувствуя, как дрожит голос. – Три недели мы встречались и она уже залетела, представляешь? А ты три года пыхтишь и толку ноль. Он останавливается у стола на кухне, смотрит на мой прозрачный органайзер с таблетками и кривится. – Аптечный ларек. Жрешь эту дрянь горстями и что? Результат где? Я даже не нахожу в себе силы ответить, роняю свитер, что только что сняла с сушилки. – Она настоящая женщина. А ты чисто овуляционный календарик на ножках. Мне легче уже одному в туалете закрыться, а ты в себя потом зальешь, чем время на тебя тратить. Задолбало. С этими словами муж ушел, бросив меня. Мы развелись, а спустя четыре года он вдруг вернулся и с порога заявил: – Я нагулялся, дорогая, освобождай место в шкафу!

© Бушмина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Саша Бушмина

После развода. Скандальное возвращение

Глава 1

– Моя любовница беременна.

Я замираю со свитером в руках, который только что сняла с сушилки и не понимаю, что мой муж только что сказал.

То есть... все я понимаю, но мозг отказывается верить.

– Прости что?.. – переспрашиваю охрипше.

Константин даже ботинки не снял, прошел от порога прямо ко мне. Стоит в дверях гостиной, выдал такие слова, от которых аж сердце сжалось и смотрит на меня с таким выражением, будто я мусор какой-то.

– Три недели мы с ней веселились, Свет, и она уже залетела. Представляешь? А ты три года пыхтишь и толку ноль. – грубо выплевывает муж.

Я не нахожу силы ответить, опускаю свитер обратно на сушилку.

Костя же тяжело вздыхает, разворачивается и проходит дальше, на кухню, словно ничего такого и не сказал. Я иду следом и мне кажется, что я сплю. Что это просто кошмар от которого я скоро проснусь.

Волков останавливается у стола на кухне, смотрит на мой прозрачный органайзер с таблетками и кривится.

– Аптечный ларек. Три года жрешь эту дрянь горстями и что? Результат где? – рыкает он, парая мое сердце все сильнее своей жестокостью.

– Костя, стой. Притормози. О чем ты сейчас говоришь? Еще утром же все было норм... – лепечу я все еще не желая осознавать, что происходит.

– Мне надоело, Свет, конкретно надоело. – Волков окидывает меня тяжелым взглядом, – Анжелика Мальцева. Помнишь такую? С младшего курса.

Конечно помню. Низенькая, но фигуристая девчушка, которая вилась вокруг Кости еще в универе. Мы тогда еще не были парой, дружили и я шутила, что у него появилась фанатка, чуть ли не сталкерша. А он только отмахивался, мол бред.

Потом... потом наши отношения с Волковым перетекли в головокружительный роман и мне казалось, что я самая счастливая девушка на свете.

Я с радостью ответила "да" на предложение и не было ни дня, когда бы я не думала, как сильно люблю своего мужа...

Потом на нас обрушились сложности с беременностью, по показателям со здоровьем все нормально, но как бы я не старалась, желанный ребенок так и не появился на свет. И все равно я думала, что мы семья, несмотря ни на что...

– Шестой месяц уже у нее. – но слова мужа сейчас вышибают все эти мысли одним махом.

– Шестой... месяц? – повторяю, чувствуя, как дрожит голос.

– Шестой, Света. Долго же до тебя доходит, да? Раньше лучше соображала. Видимо, эти таблетки тебе пользы не шибко то и приносят. – цыкает Костя, скривившись.

Полгода назад он приносил мне успокаивающий чай в постель, когда я плакала, гладил по голове, говорил, что в этом цикле точно получится.

Полгода назад он ездил со мной каждый раз в больницу вместе, сидел со мной в очереди к репродуктологу и держал за руку.

А потом ехал к ней... к своей уже беременной любовнице.

– Ты сейчас просто заваливаешься домой и как ни в чем не бывало говоришь, что обрюхатил какую-то девицу... у тебя все нормально, Волков?! – взрываюсь я, ведь даже поверить не могу, что он это серьезно, а не просто по идиотски шутит.

– Я эти последние пол года только и ждал, надеялся, что ты наконец сделаешь то, что должна была сделать давно, еще несколько лет назад. Не дождался. Задолбало. – злится он еще больше.

– Задолбало?! Ты думаешь, я специально делаю что-то не так, лишь бы тебе не родить?? Специально тяну время?! Может еще меня в чем-то обвинишь?!

– Не ори. Я свою часть выполнил, а ты? Ты женщина, рожать в вас заложено. И вообще, я брал в жены зажигалочку, яркую, красивую, от которой голова кругом шла. А теперь живу с клушей, которая сидит на пустых яйцах. Посмотри на себя, Света. Просто посмотри. Смотреть тошно. – снова морщится Костя, окидывая меня презрительным взглядом.

Я непроизвольно опускаю глаза. Домашние штаны, свободная футболка, волосы в хвосте. Просто обычный домашний вид...

– У нас же все налаживается... по анализам все в норме у обоих. Врач говорит...

– Врач говорит, репродуктолог говорит, интернет говорит, – Волков делает шаг обратно ко мне, и в его глазах все та же брезгливость, – А Лика не ходила ни к каким врачам, три недели и сразу две полоски.

Эти слова бьют как пощечина. Как низко...

Он ведь знает, как я хочу ребенка. Даже больше него. Иначе бы уже давно сдалась.

– Она настоящая женщина. А ты уже чисто овуляционный календарик на ножках. У нас секс по расписанию и то разве это секс? Мне легче уже одному в туалете закрыться, а ты в себя потом зальешь.

– Закрой свой рот! Я для тебя это все делала! Для нас! – кричу я на него, не в силах больше это слышать.

– Для нас? – Костя коротко смеется, – Света, нет никакого "нас". Уже давно нет. Есть ты, твои графики, твои таблетки и твоя одержимость, несмотря на то, что все так и не получается. А я так, чисто донор.

Каждое слово в самое больное бьет.

– Ты чудовище, – голос дрожит, но я не отвожу взгляд и не плачу, хочу, чтобы он видел, как я его ненавижу. – Ты гребаное чудовище, Волков.

– Я мужик, который хочет семью. И хочет женщину рядом, а не вот это... я-то думал, что мы прокляты уже, но Лика быстро доказала, что все, по крайней мере со мной, в полном порядке.

Вот теперь меня накрывает окончательно. Яростью. Чистой, белой, ослепляющей.

– Да ты совсем оборзел?!.. – я хватаю со стола органайзер и швыряю мужу в грудь, хотя целилась прямиком в морду. Таблетки разлетаются по кухне, стучат по плитке, закатываются под холодильник, – Ты мне три года мозги полоскал! Мы команда, мы справимся! А сам сдался и пошел заливать в другую, которая жарче ноги раздвинула!..

Волков даже не дергается. Стоит, руки скрещены на груди, и смотрит сверху вниз.

– Истеричка, – констатирует спокойно, закатывая глаза, – Хотя бы это достойно могла бы принять.

– Собирай вещи и проваливай! Прямо сейчас!

– С удовольствием. Уже и не ждал, что ты это скажешь. Думал и дальше будешь сопلي лить и просить остаться.

– Вон! – ору уже не своим голосом и хватаю сковородку с плиты, желая ей огреть чертового мужа.

Но Волков резко разворачивается и идет в спальню. Я не иду за ним сразу, жмурюсь от боли в груди, кусая губы от желания заплакать и швыряю сковородку в стену.

Собирается он спокойно, но достаточно оперативно, будто давно все решил и разложил по нужным местам. Два чемодана и он собран.

Слышу его шаги в коридоре. Пауза. Он возвращается на кухню. Я поднимаю голову, сидя за столом, где пытаюсь прийти в себя.

– Я забрал чисто свои вещи. Все остальное оставь себе. – фыркает Волков.

А после разворачивается, кидая мне напоследок.

– Знаешь, что самое смешное? Я ведь правда верил, что ты сможешь. Три года верил, хотел, чтобы именно с тобой у нас были дети, была нормальная семья. А потом посмотрел на Лику и понял. Я просто не на ту лошадь изначально поставил. Нужно было выбирать не любовь, а удобную фанаточку, она всегда будет идеальной.

Волков уходит, оставляя меня один на один с этими ужасными словами

Два месяца пролетают на автопилоте. Работа, дом, работа, дом. Подруга Катя звонит каждый день, старается поддерживать. Каждый день я говорю, что все нормально. Она не верит конечно, но не лезет. Мама мне звонит, даже приехать собирается из другого города, чтобы помочь.

Развод проходит быстро. Константин не жметя, квартиру оставляет мне, себе забирает машину.

Четыре года брака будто и не было.

Заседание длится двадцать минут. Судья зачитывает решение. Волков сидит через проход, не смотря на меня.

С того разговора на кухне мы больше не общались.

Мне казалось, что за два месяца я успела отпустить. Успела закрыть свое сердце, чтобы не было так больно.

Но вот я вижу их.

Волков стоит у машины, еще не уехав после развода. Рядом Анжелика, с круглым животом. Восьмой месяц. Держит моего бывшего мужа под руку, что-то шепчет, запрокидывая голову.

А он смотрит на нее сверху вниз и усмехается. Доволен ей.

Вижу его ладонь на ее животе. Стена, которую я строила, разом рушится.

Я не могу на это смотреть...

Быстро уйду, каблуки стучат по ступенькам. Только бы не обернулся.

Не доставлю ему такого удовольствия, как вид рыдающей и униженной меня.

Скрываюсь из вида и тут меня скручивает. Тошнота накатывает волной так, что я хватаюсь за стену.

Просто нервы. Мне отвратительно смотреть на них. Стресс.

Вот только тошнота не проходит и через три дня. На четвертый покупаю тест. Надо проверить...

Две розовые полоски.

Сажусь на край ванны. Не дышу. Достая второй тест.

Две полоски.

Третий. Другая фирма. Другая аптека. Потому что за три года я уже разучилась верить.

Две.

Начинаю смеяться. Тихо, потом громче, и смех перетекает в рыдания, а рыдания обратно в смех.

И вот я сижу через время на холодном кафеле с уже девятью положительными тестами.

Три года была инкубатором, который не работает. Клушей на пустых яйцах.

И вот сейчас, когда все кончилось...

Именно сейчас я беременна.

– Ну и чувство юмора у тебя, малыш.

Глава 2

Рома сидит посреди своей комнаты в окружении разорванной оберточной бумаги и сосредоточенно пытается впихнуть пожарную машину в коробку от конструктора.

Логика у трехлетнего человечка своя, и спорить с ней бесполезно.

– Мам, не лезет! – сын поднимает на меня возмущенные глаза и дует губы, будто это коробка виновата во всех его бедах.

– А ты попробуй наоборот, – говорю я, тщательно подавляя улыбку.

– Наобо... как? – Рома озадаченно вертит машину в руках, разглядывая ее со всех сторон.

– Конструктор в свою коробку, а машину отдельно, вон туда.

Он хмурит брови, точь-в-точь как Волков и разворачивает машину другой стороной, пробуя иначе, чтобы все его игрушки были в одном месте.

Не помогает, конечно. Но Рома не сдастся, и это в нем от меня. Продолжает делать по своему.

Последние гости разошлись полчаса назад. Только мама задержалась дольше всех, помогла убрать со стола, потом долго целовала Рому в макушку и приговаривала, что он вырос, совсем большой мальчик, настоящий мужичок.

Рома терпел, потому что бабушка принесла ему эту самую пожарную машину с выдвижной лестницей.

И вот она недавно ушла последней и теперь я с сыном наедине.

Я сажусь на пол рядом с ним и начинаю собирать обрывки оберточной бумаги. Голубая, зеленая, красная с динозаврами. Катка прям расстаралась, несколько подарков вообще купила.

Крестная, как никак. Приволокла торт на заказ с пожарными, мешок шаров и три пакета подарков, хотя я просила не сходить с ума.

– Мам, а почему бабуля плакала? Ей гр-лустно было? – Рома перестает сражаться с коробкой и поворачивается ко мне, склонив голову набок, как любопытный воробушек.

– Нет, милый. Она радовалась, – я убираю ему челку со лба. Непослушная, вечно лезет в глаза.

– Разве когда радуются плачут? – сынок ловит мою руку и прижимается щекой к ладони. Просто так, мимоходом, как умеют только дети.

Я задумываюсь. Хороший вопрос.

Три года назад, когда я сидела на холодном кафеле в ванной с кучей тестов вокруг, мне казалось, что жизнь надо мной издевается.

Беременна после развода. После трех лет попыток.

Врачи так и не смогли объяснить. Разводили руками, говорили про стресс, про психосматику, про то, что организм иногда сам решает, когда готов.

Одна из врачей даже сказала "может, вы просто перестали об этом думать, и тело расслабилась".

Я тогда чуть не рассмеялась ей в лицо. Перестала думать, ну да. Я перестала думать, потому что мой мир рухнул, а не потому что вдруг обрела дзен.

Но беременность прошла на удивление спокойно. Ни сильного токсикоза, ни осложнений. Как будто все те три года мучений были испытанием, а награда ждала в конце.

Рома родился в срок, три шестьсот, громкий, красный, возмущенный. И когда мне его положили на грудь, я наконец поняла, почему люди плачут от радости.

Вот только Волкову я так и не сказала. Продала оставленную им квартиру и переехала в мамин город.

Были моменты, когда очень хотелось признаться. Особенно на седьмом месяце, когда Ромка пинался по ночам и мне не с кем было разделить это чудо.

Я даже открывала его контакт в телефоне. Смотрела на имя. И закрывала. Потому что вспоминала то, как он выбрал уйти, то, как он меня предал и желание пропадало мгновенно.

Иногда я думала и про Анжелику. Она маленькая, светленькая, фигуристая. Я ведь тоже светленькая и тоже невысокая.

Может, Костя и выбрал ее потому, что она на меня похожа. На ту меня до всего этого, когда я еще была "зажигалочкой".

Впрочем, мне это больше не важно. Как говорится, мусор вынес себя сам.

– Иногда от радости можно плакать, сынок. – фыркаю наконец.

Рома хмурится, видимо не согласный и отвлекается обратно на игрушки.

Глаза у него мои, яркие голубые, а вот упрямая складка между бровей и широкий для своего возраста разворот плеч это все Волков.

С каждым месяцем все заметнее их сходство. Иногда Рома так вздергивает подбородок, что у меня сердце екает.

Я беру конструктор из его рук и начинаю отщелкивать детали, чтобы помочь сыну.

Рома тут же придвигается ближе, упираясь подбородком мне в плечо, и сопит над ухом, наблюдая за каждым движением.

Телефон в кармане вибрирует, отвлекая. Достая и вижу сообщение от мамы: "Светик, я очки забыла, кажется на тумбочке в коридоре. Я заеду через десять минут".

Я улыбаюсь. Мама забывает очки каждый второй раз. По-моему, специально. Просто чтобы был повод вернуться и еще разок потискать Ромку.

– Сейчас бабушка вернется, но не надолго. Она просто очки забыла.

Звонок в дверь раздается даже раньше, чем десять минут проходит. Быстро же она.

– О, это бабуля уже вернулась? – Рома вскакивает, роняя детали, и бежит к коридору, шлепая босыми ногами по паркету, – Бабуля!

– Сиди, я открою, – я ловлю его в дверях комнаты и легонько разворачиваю обратно, – Достраивай базу пока.

– Ну мааам!

– Бабуля никуда не денется, – я чмокаю его в макушку и иду в коридор, на ходу поправляя подол голубоно платья, что надела на день рождение сына.

Мамины очки лежат на тумбочке, хватаю их и открываю дверь.

– Мам, если ты хотела еще потискать Рому... ой...

На пороге вместо моей мамы, стоит совсем не она.

А мой бывший муж. Константин Волков.

Глава 3

Мамины очки чуть не выскальзывают у меня из пальцев, опускаю их обратно, где лежали. А из комнаты доносится звонкий голос:

– Бабуль!

– Нет, милый, стой. Побудь в комнате. Бабушка чуть позже подойдет. – шепчу я быстро, пытаюсь держать дверь прикрытой одной рукой.

Я слышу, как сын уходит обратно, явно пока очень увлеченный своими подарками. И это к лучшему.

Волков расплывается в ухмылке, довольный моим лицом. Кажется, он не совсем понял, что было позади и что я там пробормотала быстро.

Почти четыре года прошло, а он все такой же. Высокий, широкоплечий, обнаглевший. Видит только то, что хочет.

– Привет, дорогая. Выглядишь удивленно, – говорит Константин, осматривая меня с головы до ног.

Я не могу пошевелиться, дыхание перехватило.

Я вычеркнула этого человека из своей жизни. Насовсем.

Удалила номер после родов, заблокировала в соцсетях, выбросила оставшиеся вещи, что напоминали о нем и переехала, почти ни разу не пожалев.

И вот он стоит на моем пороге. Так, словно ничего этого и не было.

– Что ты тут делаешь, Волков? – спрашиваю сквозь шок.

– В гости решил зайти. – он усмехается, – Какая-то не гостеприимная ты у меня, Свет. Не в настроении?

Не дожидаясь ответа, Волков делает шаг вперед. Я неосознанно отступаю на пару шагов, отшатываясь от него, лишь бы не соприкоснуться, а он пользуясь этим, оказывается в коридоре целиком.

Вот так просто. Зашел, как к себе домой.

– Стой! Ты совсем с ума сошел?! Убирайся! – быстро спохватываюсь, метаясь взглядом по прихожей, ища зонт или хотя-бы обувную ложку, чтобы выгнать бывшего мужа.

Костя не отвечает. Оглядывает коридор, задерживает взгляд на вешалке, на полке с обувью. Трогает пальцем раму зеркала.

Оценивает все вокруг с такой наглостью, что мгновенно выводит из себя.

Вот только ни до зонта ни до ложки не дотянуться, они позади него.

– Нет. Проваливай, козлина! – я встаю у него на пути и упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь вытолкнуть, как когда-то. – Ты сейчас развернешься и уйдешь из моего дома! Я не знаю, как у тебя хватило наглости заявиться сюда спустя столько времени, но мне это и неинтересно.

Константин опускает взгляд на мои руки, потом снова поднимает его на мое лицо и я прям вижу, как его забавит вся эта ситуация.

– Ого. А боевой дух вырос. Раньше ты так не разговаривала. – усмехается чертов предатель.

Ненавижу... как же я его ненавижу!

– Раньше я много чего не делала. Выметайся, я сказала!

– Свет, мы же не замужем, убери руки. – продолжает насмехаться Волков, смотря на мои безуспешные попытки его отпихнуть.

Я даже толком не успеваю ответить на эту колкость, все упираюсь руками ему в грудь, тяжело дыша.

Черт, бычара... а ведь раньше мне это нравилось.

Волков легко делает шаг в сторону и проходит дальше. Я хватаю его за рукав пальто, тяну назад, но это все равно что тянуть стену.

Метр девяносто пять, под сто кило. Я со своими пятьюдесятью двумя против него как шенок против медведя.

– Волков! Я кому говорю?! Прекрати.

– Слышу-слышу. Весь подъезд слышит, наверное, как ты почти орешь. – даже не оборачивается, произносит это с ленивой усмешкой.

Понимаю, что ему нравится, что я прыгаю вокруг него. Нравится, что злюсь, что ничего не могу сделать. Это его любимая игра быть большим, спокойным, главным, пока я мечусь вокруг.

Козлина...

Я снова пытаюсь развернуть его к двери. Толкаю в спину обеими руками.

– Это мило, дорогая.

– Волков, я сейчас полицию вызову. Я серьезно.

– Вызывай, – пожимает плечами и идет дальше. Заглядывает на кухню, оглядывает стены, потолок. – Я думал, ты хоть ремонт получше сделаешь, с продажи квартиры хорошенькая сумма ведь вышла, как никак я уговорил друга ее купить, даже не торгуясь.

– Что?... – не верю своим ушам.

Это настолько абсурдно прозвучало, что злость на секунду отступает, уступая месту чистому изумлению.

– Ты серьезно сейчас? – голос звучит почти ровно, хотя внутри все дрожит. – Ты вваливаешься ко мне и решаешь признаться, что твой неизвестный друг выкупил у меня квартиру и ты недоволен теперь ремонтом за эти деньги?

– Ну надо же с чего-то разговор начать, – Костя проводит пальцем по дверному косяку, проверяя на пыль.

Рома в комнате, и устраивать скандал в полный голос я не могу. Пугать своего сына из-за Волкова, я точно не собираюсь, не хочу.

Но черт... кулаки сжимаются от желания придушить этого гада прямо тут.

Костя смотрит на меня пару секунд. Наклоняет голову, будто изучает.

– Я рад, что ты снова расцвела, Свет. Боевая такая, волосы уложила, платье надела, накрасилась. Непривычно даже. Скучал по этому, вспоминал время от времени.

Хмурюсь, пока сердце в груди на адреналине бешено бьется. Он сейчас серьезно?

Пришел, потому что скучал? Что за бред? Сам меня бросил.

– Волков... дверь там. – шиплю я, поджав губы, – Или я сейчас возьму сковороду и буду бить тебя ей до тех пор, пока ты не вылетишь вон.

Но ему плевать, проходит в гостиную.

– Шарики, остатки торта еще на кухне были, – Костя кивает на остатки праздника, разглядывая комнату. – Чей праздник отмечала? Или это новый стиль интерьера?

– Волков, я последний раз говорю...

– Пожарные? – он смотрит на плед на подлокотнике дивана и хмурится, – Интересный выбор.

Не выдерживаю, резко разворачиваюсь, чтобы пойти на кухню за сковородкой.

Но тут же чуть ли не сталкиваюсь со своим сыном.

– Ой, а кто это? Где бабушка?

Рома замирает в дверях и смотрит на Волкова настороженно, чуть сощурившись.

Переводит взгляд на меня, потом снова на него и медленно, осторожно подходит ко мне, прятаясь за мою ногу, вцепившись пальцами в подол платья.

Глаз от неизвестного дядьки не отводит. Смотрит исподлобья, серьезно, совсем не по-детски.

Я кладу руку ему на голову. Накрываю ладонью, будто могу спрятать его от всего.

– Никто, солнце. Дядя уже уходит.

– Дядя не уходит, – Костя разворачивается и смотрит на Рому.

В первый раз за весь визит усмешка сползает с его лица.

Я вижу на его лице удивление.

– Ты что, нянькой заделалась? Это ты так компенсируешь то, что родить не можешь? –
выдает вдруг бывший муж.

Меня обдаёт такой яростью, что перестаю видеть. Кровь бьёт в висках, пальцы слегка сжимаются на Роминой макушке, и единственное, что держит меня от того, чтобы снова накинуться с кулаками на Волкова – маленькая рука на моей ноге.

– Закройся и проваливай, – цежу сквозь зубы. – Не смей ничего говорить при ребенке.

Костя окидывает Рому взглядом сверху вниз еще раз. Хмурится еще больше.

– Чей это пацан? Эй, мелкий, где твои родители?

Рома вздергивает подбородок, все так же крепко держа меня за ногу и отвечает с нескрываемой гордостью.

– Ты дул-рак? Это моя мама, няни мне не нужны!

Глава 4

Волков замирает, усмешка гаснет окончательно, а одна бровь ползет вверх.

Он смотрит на Рому уже более внимательно. Изучающе, я бы сказала.

– Хах? – он присаживается на корточки, и его голос вдруг становится мягче, – А сколько тебе лет, пацан?

– Волков, не разговаривай с моим ребенком...

Но Рома уже отвечает, потому что сегодня его день рождения и ему очень уж нравится отвечать, какой он уже взрослый...

– Т-лри! У меня сегодня день р-рождения! – сынок еще и демонстративно показывает три растопыренных пальца, выглядывая из-за моей ноги, осмелев. Дядя ведь присел, стал меньше, а значит уже не так страшно. – Мне подар-р-или пожарную машину! Большую, с лестницей! А еще...

– Рома, не стоит отвечать этому дяде, – я сдвигаю свою руку ему на плечо и чуть сжимаю, привлекая внимание.

Сын замолкает, глядя на Константина с подозрением.

У Волкова же в этот момент на лице что-то меняется. Ох, черт...

Он медленно поднимается, не сводя глаз с Ромы, и я прям вижу, как он мысленно все считает.

– Три значит. Да ты уже совсем большой, – говорит Константин с усмешкой.

– Рома, солнце, – я мягко глажу его по плечу и разворачиваю к коридору. – Иди к себе обратно в комнату, поиграй пока. Бабушка скоро придет.

– А этот дядя...

– Дядя скоро уходит. Иди, малыш.

– Он плохой? – Рома хмурится и смотрит на Волкова исподлобья. – Мам, он тебя обижает?

У меня перехватывает горло. Три года, а он уже все чувствует. Все понимает. Мой маленький защитник.

– Нет, солнце. Все хорошо. Просто иди к себе, ладно? Поиграй с машиной, покажешь мне потом как лестница выдвигается.

Рома смотрит на меня снизу вверх, потом на Волкова, потом снова на меня. Кивает серьезно, по-взрослому, и топает по коридору к себе. Босые пятки шлепают по паркету.

В дверях он оборачивается еще раз, проверяет, точно ли все в порядке, и только потом закрывает дверь.

Больше не нужно сдерживаться. Рома за стенкой, дверь закрыта, и все что я в себе давила последние минуты наконец рвется наружу.

– А теперь пошел вон, – я снова толкаю бывшего в грудь обеими руками. Но на этот раз еще сильнее от скопившейся злости, – Вон из моего дома!

Костя отступает. Медленно, нехотя, но отступает. Один шаг, второй. Явно не потому что я его двигаю, а потому что сам решил отойти. Но голову не опускает и взгляда не отводит.

– Ты что, как развелась, сразу приемыша взяла? Я-то думал, ты будешь страдать подольше... – выдает одну из своих версий бывший муж, видимо не веря, что я могла наконец забеременеть.

Я и сама до середины срока не могла поверить, что все это правда...

– Заткнись...

– А что, похвально даже. Не смогла родить, так хоть...

– Я сказала заткнись! – ору я, и голос срывается. – Не смей говорить о моем сыне! Не смей к нему подходить, не смей с ним разговаривать, не смей на него смотреть!

Я толкаю его снова. Еще шаг назад, уже в коридоре.

– Какая ты нервная стала, Свет. Раньше хоть можно было поговорить нормально. Я просто спросил сколько ему лет. Что тут такого? – лицо бывшего суровеет.

Чем злит меня еще сильнее.

– Тебя это не касается! Ничего в моей жизни тебя больше не касается!

Костя прислоняется плечом к стене коридора, больше не давая себя двигать и складывает руки на груди. Смотрит на меня, мельком облизывает губы и прищуривается.

– Ну как же не касается? Я хочу вернуться к своей любимой женщине. Так что очень даже.

Тут я буквально замираю на месте от шока.

– В смысле вернуться? Совсем головой тронулся, Волков? Если это шутка, то вообще не смешно.

– Никакой шутки, дорогая. Лика, как оказывается, для семейной жизни не очень хорошо подходит. Ну и у меня было время осмыслить, что у меня есть женщина, которая меня ждет и любит и которую я тоже любил, пока ты не похоронила свою личность в попытках добиться от своего тела то, о чем мы когда-то мечтали.

Я не могу поверить в то, что Волков говорит это. Слушаю его и в голове вата. Ну не может взрослый человек говорить это все серьезно.

– Мне не до твоих шуток, Волков. Дверь там. Ты здесь больше не живешь и никогда не будешь.

Костя снова открывает рот, чтобы сказать что-то еще, чтобы, видимо, добить меня еще каким-то абсурдом, но тут ручка входной двери опускается.

Дверь распахивается, и на пороге стоит мама, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с пакетом в руке.

– Светик, я не только очки забыла, еще и... – мама замирает, увидев Волкова. Пакет повисает в руке. Глаза становятся круглыми, а потом узкими, злыми. – Константин? Ты что здесь делаешь??

Волков выпрямляется. Он выше моей мамы на голову с лишним, но она смотрит на него снизу вверх так, что любой нормальный человек отступил бы. Только Волков не любой.

– Добрый вечер, Галина Петровна. Давно не виделись.

– Я тебе покажу "давно не виделись", – мама ставит пакет на пол и выпрямляется, – Света, он тебя трогал?

– Все в порядке, мам. Он сейчас уходит... – я знаю, что моя мама при желании из дома целую роту солдат выгнать может, но боюсь, что Волков оборзев в край и причинит ей вред.

– В порядке?! Он стоит в твоей квартире, ты красная, руки трясутся, глядишь, скоро в обморок упадешь! – мама достает телефон. – Я вызываю полицию.

– Галина Петровна, не надо драматизировать, – Костя поднимает ладонь.

– Ты мне еще указывать будешь?! – мама тычет в него пальцем. – Ты мою дочь бросил! С этой своей... мерзавкой! А теперь приперся?! Алло, полиция? Тут мужчина ворвался в квартиру к моей дочери, не уходит, ведет себя агрессивно...

Костя смотрит на маму, потом на меня и оторвавшись от стены, недовольно закатывает глаза. Уж полиции он точно не боится.

Волков вообще мало чего боится. Но возня с участковыми, протоколы, объяснения, это не его стиль. Слишком мутно, для того, чтобы все равно выйти сухим из воды.

– Ладно, – Волков поднимает ладони и делает шаг к двери. – Ладно. Ухожу.

– Вот и уходи! – мама чуть ли не рычит. – И чтобы ноги твоей здесь больше не было! Я запомнила, я все запомнила, и если ты еще раз...

– Галина Петровна, – Костя останавливается и смотрит на нее так, что мама на секунду замолкает. Просто от взгляда. – Вы не меняетесь. Как всегда очаровательна.

– Ты... Пошел вон! Не ерничай мне тут!

Костя улыбается, поднимает руки в сдающемся жесте и разворачивается к двери.

– Ну я еще загляну, дорогая, – говорит Волков с улыбкой. – Хотел посмотреть, есть ли для меня тут место. Квартирка хорошая, свободно, можешь освобождать мне место в шкафу. Так сказать, нагулялся уже.

Мама открывает рот, но Костя уже переступает порог.

– Скоро увидимся. Доброй ночи Галина Петровна.

Константин бросает это и уходит. Дверь закрывается. Мама опускает телефон и смотрит на меня. Лицо красное, руки дрожат не меньше моих.

А все потому, что этот человек вновь решил появиться в моей жизни и перевернуть все с ног на голову.

Глава 5

Два дня я вздрагиваю от каждого звонка в дверь. Проверяю глазок, прежде чем открыть курьеру или соседке. Прислушиваюсь к шагам на лестничной площадке.

Мама ночевала у нас обе ночи, спала на диване в гостиной и каждые полчаса выглядывала в окно.

На третий день я убеждаю ее, что все в порядке, что Волков не вернется, что он просто был в городе проездом, решил побесить и уже уехал. Новорю, что справлюсь, не хочу, чтобы мама сходила с ума вместе со мной.

Мне приходится пообещать ей, что я буду отвечать на каждый звонок и сообщение от нее, чтобы она не переживала.

И уже этим утром я отвожу Рому в садик. Он хватает меня за руку у калитки и смотрит снизу вверх.

– Мам, а мы сегодня пойдем на площадку?

– Обязательно пойдем, малыш. Давай, будь умничкой. Вечером встретимся.

Я присаживаюсь, целую его в лоб и поправляю шапку. Рома убегает к ребятам, и я смотрю ему вслед, пока воспитательница не уводит группу в здание. Только после этого разворачиваюсь и иду на работу.

Клиника, в которой я работаю находится в пятнадцати минутах пешком от садика, и это одна из главных причин, почему я здесь работаю. Должность администратора была свободна, так еще и за сыном не далеко идти.

Прихожу, переодеваюсь, сажусь за стойку, открываю журнал записей. Обычное утро. Понедельник, четыре пациента до обеда, два после. Ничего сложного.

Первый пациент, женщина на отбеливание. Второй, мужчина на пломбу. Третий...

Я смотрю в журнал и у меня холодеет внутри.

Волков К.А. 11:30. Консультация.

Нет. Нет, нет, нет. Может однофамилец? Волковых в городе полно. И К. не обязательно Константин, может Кирилл... или Казимир? Это совпадение. Просто совпадение.

Вот только уже пора бы принять, что все, что связано с Волковым совпадением быть не может...

Константин заходит в клинику весь при параде, как будто только с важной встречи в офисе, неужели он переехал полноценно в город и сейчас тут занимается бизнесом?

Оглядывает ресепшн, замечает меня за стойкой и улыбается. Той самой улыбкой, которую я когда-то любила, а теперь от нее хочется запустить в него степлером.

– Добрый день. Я записан на одиннадцать тридцать. Волков.

Говорит это громко, официально. В приемной сидит пожилая женщина с журналом, и пара у окна. Лишь бы обошлось без сцен...

– Присядьте, – отвечаю я ровным голосом. – Доктор примет вас по очереди.

Костя послушно садится в кресло напротив стойки. Закидывает ногу на ногу. Берет журнал со столика, листает, не глядя на страницы. Смотрит на меня.

Я утыкаюсь в монитор и делаю вид, что очень занята.

– А ничего тут у вас, – говорит он, разглядывая стены. – Уютненько. Сколько платят?

Я не отвечаю.

– Свет, я с тобой разговариваю.

– Я на работе, мужчина. Если у вас есть вопросы по записи, пожалуйста. Постараюсь вам помочь.

Константин усмехается и наклоняется чуть вперед. Понижает голос, но так, чтобы я слышала каждое слово.

– Я, кстати, вещи уже собрал. Два чемодана. Ты ведь освободила мне место в шкафу?

Пальцы сжимаются на мышке так, что белеют костяшки.

– Нет никакого места, Волков. Успокойся и сиди тихо. – шиплю я, понизив голос.

– Левую половину, как раньше. Мне много не надо. – продолжает издеваться Волков, довольно улыбаясь.

– Ты не переедешь ко мне. Ни сейчас, ни когда-либо.

– Ну это мы еще посмотрим, дорогая.

Пожилая женщина в кресле опускает журнал и с интересом переводит взгляд между нами.

Я смотрю на него из-за стойки, недовольно морщась.

– Если ты пришел сюда, чтобы устроить шоу на моей работе, я вызову охрану. И будет гораздо хуже, чем полиция.

– Я пришел на консультацию, Свет. Зуб побаливает. Имею право.

– У тебя ничего не болит. – шикаю я, уже теряя всякое терпение.

– А ты откуда знаешь? Ты же не стоматолог.

Волков улыбается. Широко, открыто.

Черт.

Хорошо, что никто не видит, что у меня руки дрожат от злости и желания отвесить ему не одну пощечину.

Я возвращаюсь к работе, старательно игнорируя своего бывшего. Костю вызывают через десять минут, он уходит в кабинет, и я выдыхаю.

Через двадцать минут он выходит из кабинета, улыбается девочке-ассистентке, благодарит доктора. Подходит к стойке.

– Сколько с меня?

Я называю сумму. Он прикладывает карту, забирает чек. И вдруг наклоняется ко мне через стойку.

– Я серьезно, Света. Я возвращаюсь. И тебе скоро понадобится моя помощь. Ну да ладно, это ты позже поймешь.

– Мне от тебя ничего не нужно. И не нужно было все эти три года, – чеканю я, глядя ему прямо в глаза.

– Посмотрим.

Он подмигивает мне, разворачивается и выходит. Дверь за ним закрывается.

Через полчаса меня вызывают к Павлу Сергеевичу. Главврач и владелец клиники.

– Светлана Андреевна, у нас разговор.

– Да, что-то не так? – спрашиваю я, заходя в кабинет.

– Мне пожаловалась пациентка. Говорит, вы грубо общались с мужчиной в приемной. Повышали голос.

– Павел Сергеевич, это мой бывший муж. Он пришел специально, чтобы...

– Мне все равно, кто он. Пациент есть пациент. Он записан, оплатил прием и имеет право на корректное обслуживание. А вы администратор. Лицо клиники.

– Он меня провоцировал...

– Светлана Андреевна, – Павел Сергеевич снимает очки и кладет на стол. – Я вас ценю. Вы хороший работник. Но если такое повторится, я буду вынужден принять меры. Вплоть до увольнения. Вам понятно?

– Понятно. Больше не повторится, – выдавливаю я.

– Надеюсь. Идите работайте.

Выхожу из кабинета. Вот же сволочь... предал меня, навеселился с Ликой, а теперь вернулся, чтобы сводить меня с ума.

Соскучился, ага, как же...

Оставшийся день проходит в тумане. В голове одна мысль. Забрать Рому из садика и запереться дома. Все. Больше ничего не хочу.

Рабочий день заканчивается в шесть. Я выхожу из клиники, уже на ходу доставая телефон, чтобы позвонить маме и попросить забрать Рому, потому что задерживаюсь на десять минут и...

– Что-то ты припозднилась. Проблемы на работе?

Волков стоит у входа. Привалился к стене, руки в карманах пальто.

– Ты что, караулишь меня?

– Нет конечно, просто хочу проводить красивую девушку домой, – поправляет Костя. – Это разные вещи. Тебе же сына из садика забирать? Могу подвезти. Мне не трудно.

– Не надо меня подвозить. Не надо меня ждать. Не надо ко мне приходить. На работу, домой, никуда. Ты понял?

– Понял. Но садик закрывается в половину седьмого, а сейчас уже десять минут. Успеешь пешком?

Я стискиваю зубы, потому что он прав. До садика пятнадцать минут, а я и так выбилась из графика.

– Это не твоя забота.

– Ну почему же, – Костя отлипает от стены и делает шаг ко мне. Смотрит сверху вниз, и усмешка медленно сходит с его лица. Он серьезнеет, и от этого мне становится еще тревожнее.

– Рома, да? Так его зовут?

Я молчу. Сердце стучит где-то в горле.

– Рома Волков, я так понимаю? Ты ведь ему мою фамилию дала, а, Свет?

Не отвечаю, но ответ и не нужен... я развелась, но до сих пор Волкова, так как не захотела менять кучу документов, слишком много всего и так навалилось.

– И отчество, наверное, тоже мое. Константинович.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Он знает. Догадался или уже проверил, у Волкова хватит связей.

– Так вот я тут подумал, – Костя наклоняется ко мне чуть ближе. – Раз уж у мальчика мое отчество и моя фамилия... Может мне самому за ним в садик заехать, если ты не хочешь вместе?

Глава 6

– Ты совсем с ума сошел, Волков?! Даже не думай! – голос у меня срывается на хрип.

Я делаю шаг к бывшему мужу и тычу пальцем ему в грудь, хотя на самом деле хотела бы встряхнуть его со всей силы, но с нашей разницей в росте и весе...

– Если ты подойдешь к моему сыну, если ты появишься рядом с его садиком, если ты хоть на метр приблизишься к нему, я тебя уничтожу. Ты меня слышишь, Волков? Уничтожу! – от каждого слова мое сердце начинает биться быстрее за сына.

Костя смотрит на мой палец, потом на меня. И улыбается. Спокойно, лениво, будто я ему рассказываю что-то забавное. Эта его манера, улыбаться во время ссор, бесила меня еще в браке. А сейчас от нее хочется быть.

– Расслабься, Свет. Чего ты так напряглась? Я же просто предложил помочь. По-семейному, так сказать.

– Мы не семья!

– Пока не семья, – поправляет он, засовывая руки в карманы. – Но все может измениться. Довольно быстро, кстати.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Хочется ударить.

Не символически, а по-настоящему. В эту спокойную, самодовольную рожу.

Чтобы перестал улыбаться. Чтобы хоть раз в жизни поменялся в лице, а не думал, что раз я женщина, то можно себя вести так, будто ты выше по всем пунктам.

– Ты вообще себя слышишь? Ты пришел ко мне домой без спроса, вломился на мою работу, подставил перед начальством, теперь караулишь у входа и угрожаешь забрать моего ребенка! И после этого говоришь опять стать семьей?!

– Я не угрожаю, дорогая, – Костя закатывает глаза, – Предлагаю. Чувствуешь разницу? Я ведь мог просто приехать в садик и сказать, что я отец. Но я обсуждаю это с тобой. По-человечески, так сказать.

– По-человечески?! Ты серьезно сейчас произнес это слово?!

– Абсолютно серьезно. Вот стою, разговариваю, не кричу, не давлю. А ты на меня бросаешься. Понимаю, было больно тогда, потому что я был на эмоциях, не подумал, выдал все грубо, но... столько лет уже прошло.

– Зачем тебе все это, Волков? – я делаю глубокий вдох, пытаюсь вернуть себе хоть какое-то подобие спокойствия. – Что тебе от меня надо? Объясни мне по-нормальному.

Костя наклоняет голову и смотрит на меня внимательно. Почти нежно. И от этой нежности меня аж воротит.

– Я же тебе говорю, Свет. Уже сколько раз сказал уже. Хочу вернуться. Что тут непонятного? Я... я реально соскучился.

Эти слова в очередной раз царапают мое сердце.

– Ты ушел к Мальцевой. У тебя ребенок с ней. Семья, все дела. Что случилось-то? Она тебя выгнала? Решил к запасному варианту вернуться?

На мгновение между нами повисает тишина. Вижу, как напрягается челюсть бывшего, как по его скулам двигаются желваки от нарастающей за мгновение злости.

– Никакого ребенка нет. Забудь об этом. – чеканит он, выдыхая через нос.

– В смысле?

– Что непонятного? Нет ребенка! Лика... можешь радоваться, судьба наказала меня за измену, она воспользовалась нашей короткой связью, чтобы повесить ребенка от другого. Хотела стать моей новой женой, раз я сорвался и все-таки переспал с ней разок, но потом я выяснил это и... – Волков раздражается, срывается на громкий тон, но договорить не успевает.

От мгновенного осознания, что он растоптал меня в пыль даже ради не существующего ребенка, я тут же бью его по щеке с такой силой, что голова бывшего мужа дергается в сторону, а моя рука немеет.

В глазах тут же застывают слезы, но я не позволяю себе заплакать.

Тяжело дышу, чувствуя, как сердце снова обливается кровью от боли, как это было раньше.

– Я заслужил, знаю. – потирает Костя скулу, – Но я слишком долго не видел тебя... слишком долго варился в своей ошибке. Да, я наглею, потому что больше не могу без тебя. Я разобрался с Ликой, даже не знаю, где она сейчас, да и мне плевать, был все это время один, пытался думать логически, не лезть к тебе, раз все испортил, но... не могу больше. Не могу. Устал.

– Устал, – повторяю я и чувствую, как к горлу подкатывает горькая усмешка. – Ты устал. Как мило...

– Ну не начинай. Я же признаю, что ошибся... и любил я только тебя, просто... наши мечты разбились об реальность, отношения пришли в кризис и я дал слабину. Ее я не любил, тебя да, но недостаточно ценил.

Мне хочется расплакаться. Этого не будет, но от желания не спасает.

Как я могла любить такого жестокого человека?

– Ты совсем не в себе, Волков, – наконец выдавливаю я. – Если ты серьезно решил, что я приму тебя обратно, значит у тебя куда более серьезные проблемы, чем разлад с Мальцевой и ее гуленьем. Ищи себе другую дуру.

– Подумай, Света. Разве ты сама до сих пор не чувствуешь ко мне хоть что-нибудь? Я же вижу по глазам, что да... Не торопись с ответом. Я даю тебе время.

– Мне не нужно время! Мне нужно, чтобы ты исчез из моей жизни! Навсегда!

Костя делает шаг ко мне. Совсем близко. И от этой близости у меня внутри что-то болезненно сжимается.

– Подумай хорошо, – повторяет Волков тихо. Улыбка давно исчезла с его лица, и на меня смотрит совсем другой человек. Тот, которого я помню по деловым звонкам и жестким переговорам. – Потому что если по-хорошему не получится, мне придется пойти другим путем. Менее приятным для всех.

– Это угроза? – спрашиваю я, прищурившись.

– Это совет, дорогая. И поверь мне, ты не хочешь узнавать, что именно я имею в виду. Я-то мужик терпеливый, ты знаешь, но всему есть предел. От одного вида на тебя сейчас мне уже хочется накинуться на тебя, сжать и поцеловать так, что... ладно, не будем об этом пока. Я же сказал, что дам тебе время.

Костя смотрит мне в глаза еще пару секунд. Потом отступает, поправляет воротник пальто и идет к машине.

Телефон вибрирует в кармане.

Сообщение от мамы: "Забрала Ромку из садика, он сейчас у меня в гостях. Все хорошо, не переживай".

Я выдыхаю. Долго, медленно, пока руки не перестают дрожать. Рома у мамы. В безопасности...

Сажусь на лавочку у входа. Ноги не держат.

Почти четыре года я строила жизнь без него.

А он пришел и все развалил. За пару дней. Просто потому что ему так захотелось. Просто потому... что он соскучился по мне.

Достаю телефон и набираю маму.

– Мам, я скоро буду. Никому не открывай и ни с кем не общайся.

Глава 7

Следующие дни я живу как на минном поле.

Волков не исчезает, как и обещал. Не дает мне ни дня передышки. Он просачивается во все щели моей жизни, медленно и неотвратно.

Во вторник я вижу его через окно ресепшна. Стоит у входа с Павлом Сергеевичем, и они разговаривают.

Мой начальник кивает, улыбается, жмет Волкову руку.

Как старые приятели. У меня холодеет в животе, а пальцы замирают над клавиатурой.

В среду мама звонит мне на обед. Голос встревоженный, сбивчивый.

– Светик, я тут Рому из садика забирала и этого нахала видела. Представляешь? Стоял у заведующей в кабинете, о чем-то с ней разговаривал. Дверь открыта была, я мимо проходила и аж остановилась. А он, представь, увидел меня, помахал рукой и улыбнулся. Помахал, Света! Как ни в чем не бывало!

Я чувствую, как сердце делает пару ударов и замирает. Костяшки белеют от того, как я сжимаю телефон в руке.

– Мам, что именно он говорил? Ты слышала?

– Нет, я не подслушивала. Но заведующая с ним прям любезничала. Ольга Николаевна, ты же знаешь, какая она строгая обычно, а тут прям расплылась вся. Что он ей наговорил, ума не приложу.

– А Рома? Он с ним не виделся? Не говорил?

– Нет, Рома уже одетый был, у дверей ждал. Я его сразу за руку и увела.

В тот же вечер я принимаю решение.

Рома в садик больше не ходит, уходит на больничный. По крайней мере до тех пор, пока я не разберусь с чёртовых предателем.

Мама не спорит. Забирает внука к себе на время, пока я работаю.

Правда и это мне осталось делать совсем не долго.

Потому что в четверг Павел Сергеевич снова вызывает меня к себе. Он сидит за столом и перебирает бумаги, не поднимая глаз. Поправляет очки. Тянет время.

– Светлана Андреевна, присаживайтесь. Тут такая ситуация...

– Что случилось? – спрашиваю я в лоб, так как понимаю, что что-то не так.

– У моей сестры дочка, Кристина. Двадцать два года, только после колледжа. Ей нужна работа, опыт, вы понимаете. Девочка совсем молодая, ей помощь нужна, а место одно...

Он все еще не смотрит на меня. Двигает ручку по столу, выравнивает стопку бумаг. Стыдно ему, что ли?

– Вы меня увольняете, – говорю я спокойно, опережая его ответ, хотя внутри все обрывается.

Не подаю вида, как обычно, хотя на душе паршиво.

Начальник наконец поднимает глаза. Во взгляде неловкость и что-то похожее на жалость.

– Я даю вам время. Две недели. Найдете себе новое место, вы с опытом, вас с руками оторвут...

– Павел Сергеевич, это связано с тем мужчиной, с которым вы разговаривали у входа во вторник?

Он дергается. Едва заметно, но я вижу.

– С каким мужчиной? – моргает он слишком часто, палится. – Не помню никакого мужчины. Это чисто семейное решение, Светлана Андреевна. Кристина моя племянница, я обещал сестре...

– Понятно. Не нужно вот этих оправданий.

– Вы не расстраивайтесь. Я вам хорошую характеристику напишу. Отличную прям. И если что, звоните, порекомендую коллегам...

– Спасибо. Я поняла. Просто отлично.

Я тут же встаю и ухожу, едва держась, чтобы не хлопнуть дверью. Хотя очень хочется.

Значит вот что он имел в виду, говоря про неприятный путь. Волков в наглую лезет в мою с сыном жизнь.

Садик. Работа. Он хочет сделать меня зависимой от его помощи, лишь бы получить возможность быть со мной?

Никогда бы не подумала, что Волков такой. Сам же бросил, а теперь добивается каким-то сумасшедшим, диким способом...

Делает все методично, аккуратно, без единого следа. Ни на что не пожалуешься, ничего не докажешь.

Что дальше? С квартирой окажется, что-то не так? На работу мамы ползет? Что еще?!

Остаток дня дорабатываю на автомате. Улыбаюсь пациентам, записываю, провожаю. А в голове одна мысль. Что мне делать? Денег на хорошего адвоката не будет...

Связей, чтобы противостоять Волкову, тем более. Он крупный бизнесмен, у него средства большие, знакомства еще мощнее. А я администратор в стоматологии. Теперь уже бывший администратор...

После работы иду к маме. Пешком, потому что хочется подышать и хоть немного собраться с мыслями, прежде чем встречу с сыном. Дети ведь все чувствуют.

Набираю номер мамы, пока иду.

– Мам, я минут через двадцать буду. Как там Рома?

– Все замечательно, мы на площадке гуляем, – мама говорит бодро, но я слышу как за этой бодростью прячется тревога. Она волнуется не меньше моего, просто не показывает. – Горку оккупировал, не стонишь. Два раза коленку расшиб, мы обработали быстро, но ему хоть бы что, дальше лезет.

– Весь в меня, – я улыбаюсь через силу. – Скоро буду.

– Только не беги, а то знаю я тебя. Торопыга.

Площадка рядом с маминым домом показывается скоро, я тороплюсь несмотря на слова мамы.

Подхожу со стороны арки, сворачиваю за угол дома. Детей много, вечер теплый. Мамочки на лавочках, кто-то с колясками, кто-то в телефонах.

Мальчишки носятся вокруг городка, визжат. Девочка в розовой куртке сосредоточенно лепит куличики.

Обычный весенний вечер.

Ищу глазами маму. Она стоит у входа на площадку спиной ко мне и разговаривает с какой-то женщиной.

Активно жестикулирует, увлеченно что-то рассказывает.

Женщину я не знаю. Невысокая, темноволосая, в яркой куртке. Кивает, улыбается, задает вопросы. Мама отвечает.

А потом я перевожу взгляд на городок.

И перестаю дышать.

Рома сидит на нижней ступеньке. Ноги болтаются, шапка съехала на затылок. А перед ним, присев на корточки, сидит Константин.

Одна рука на Роминой голове, гладит по волосам, мягко, осторожно. В другой у него какая-то игрушка.

Он что-то говорит. Тихо, с улыбкой. Не с той усмешкой, которую я видела последние дни, а с настоящей улыбкой. Теплой. Я не видела такой у него очень давно. Может никогда.

Рома слушает, чуть наклонив голову, и не отстраняется. Не прячется. Не боится. Смотрит на Волкова с любопытством, серьезно, и что-то отвечает, загибая пальцы на руке. А Костя кивает и снова гладит его по голове.

Вокруг другие мамы, другие дети, и никто не видит ничего странного.

Просто отец разговаривает с сыном на площадке. Самая обычная картина в мире. Они ведь похожи, никто даже и не подумает, что что-то не так.

Ноги словно прирастают к асфальту, во рту пересохло. Сердце колотится так, что отдает в виски, в пальцы, в каждую клетку тела.

Я стою и смотрю, как мой бывший муж гладит по голове моего сына. Которого он не должен был найти. Не должен знать. Не должен трогать.

А незнакомая женщина у входа все не отпускает маму разговорами. И я вдруг понимаю с пугающей ясностью – это не случайность. Не совпадение.

Ничего с Волковым не бывает совпадением.

Глава 8

После секундного ступора я тут же срываюсь с места.

Но Волков замечает меня раньше. Поднимает голову, смотрит через площадку прямо мне в глаза и наклоняется к Роме.

Слышу его речь.

– О, а вон мама идет. Беги к ней, – говорит он мягко, по-свойски, будто так и должно быть. Словно имеет на это хоть какое-то право.

Рома соскакивает со ступеньки, оборачивается на Костю, машет ему рукой и бежит мне навстречу. Шапка съехала, щеки красные, глаза горят.

– Мам! Мааам! – он врывается в мои ноги на полном ходу и запрокидывает голову, подпрыгивая от нетерпения. – А тут дядя был! Классный такой! Он мне рассказал про настоящие пожарные машины, которые тушат небоскребы! Представляешь, там лестница со-лок метров! Сор-рок!

Рома показывает руками что-то огромное, раскинув их в стороны. Глаза сияют. Мой ребенок в полном восторге, и от этого восторга у меня все переворачивается внутри.

– Дядя классный. Он мне нравится, мам. А он еще придет?

Я присаживаюсь, беру его за плечи. Смотрю строго, как никогда.

– Мы потом поговорим о дяде. Серьезно поговорим. Сейчас пойдем к бабушке.

Рома тушется. Не привык, что я могу быть им недовольна. Но он раньше никогда правил и не нарушал толком. Я же говорила с дядей не общаться, а он... он так тянется к Волкову, будто чувствует, что это его отец.

Веду его к маме, которая наконец обернулась и увидела меня.

Женщина в яркой куртке тут же делает шаг назад, прощается с какой-то торопливой улыбкой и быстро уходит с площадки. Очень быстро. Не оглядываясь.

– Светик, ты рано! Я думала...

– Мам, – я передаю ей Ромину руку и наклоняюсь к уху, – Вот эта женщина, с которой ты разговаривала. Ты ее знаешь?

– Нет, она сама подошла, – мама растерянно оглядывается в сторону, куда ушла незнакомка. – Спросила про детский центр по соседству, ну и слово за слово...

– Мам, тебя отвлекали, – говорю я тихо, но твердо. Я уж точно уверена, что эта женщина так бы быстро при виде меня не сбежала бы. – Специально. Пока ты болтала, Волков сидел с Ромой на городке.

Мама бледнеет. Рука, которой она теперь держит внука, сжимается крепче.

– Господи... Света, я отвернулась буквально на минуту...

– Мам, я не виню тебя. Просто прошу, не спускай с него глаз. Ни на секунду. Не разговаривай ни с кем незнакомым, когда он рядом. Пожалуйста.

– Господи, Светочка... – мама прижимает Рому к себе и тот удивленно поднимает голову, не понимая, почему бабушка вдруг стала такой встревоженной.

– Я сейчас вернусь, – убеждаюсь, что мама поняла и теперь не спустит с моего сына взгляда, разворачиваюсь и иду обратно.

Волков стоит поодаль от площадки, у кирпичной стены соседнего дома. Руки в карманах, привалился плечом. Ждет, как в прошлый раз.

Знает, что я вернусь.

Я подхожу вплотную. Он открывает рот, но я не дожидаясь его слов, бью его по лицу ладонью. Со всей силы, на которую способна.

Она впечатывается в его щеку с таким звуком, что кажется этот звук слышат все, кто находится рядом. Голова Кости дергается в сторону, а мою руку прошивает жгучая боль от ладони до локтя.

– Это за работу, – выдыхаю я, и в глазах все плывет от ярости. Замахиваюсь снова. – А это за сына!

Волков перехватывает мою руку на полпути. Легко, одним движением.

Пальцы смыкаются на запястье и держат крепко, но не больно. Он медленно поворачивает голову обратно.

На щеке расплывается красный след от моих пальцев.

Бывший муж ведет под щекой языком, так, что та натягивается. Похоже, он пытается оценить силу удара и ущерб от него, сравнивая с прошлым разом.

– Успокойся. И больше так не делай. – говорит Костя севшим голосом, сжимая пальцы на моей руке чуть крепче, – В прошлый раз я позволил тебе это сделать. В этот раз, так уж и быть, тоже проигнорирую. Но если еще хоть раз...

– Отпусти мою руку. И я сделаю еще раз! И еще! Столько раз сделаю, сколько нужно, чтобы ты понял, что зря ты приехал в этот город и ничерта тебе здесь не видать!

Бывший муж продолжает меня держать, прожигает своим взглядом, сперва смотрит в глаза, а потом... отом на губы.

Ну уж нет, скотина!

– Я сказала отпусти, Волков! Я сейчас орать начну!

Костя разжимает пальцы. Медленно, по одному. Я отдергиваю руку и прижимаю к груди. Ладонь горит огнем.

– Можно ведь по-хорошему, Света, – говорит он ровно, потирая щеку. Красный след уже наливается, в том же месте, что и в прошлый раз. – Я тебе предлагал ведь. Нормально, спокойно, по-человечески. А ты сама выбрала этот путь.

– Я выбрала?! – голос все-таки срывается на крик, и я ловлю взгляд женщины с коляской. Делаю шаг ближе к Волкову и понижаю голос до шипения. – Ты лишил меня работы! Ты приходишь к моему сыну за моей спиной! Ты подсылаешь людей к моей маме, чтобы отвлечь ее! И я виновата, что не согласилась на твой шантаж?!

– Я делаю то, что должен, чтобы вернуть свою семью, – Костя скрещивает руки на груди и смотрит на меня сверху вниз с абсолютным спокойствием, – Я же знаю, что обычные методы на тебя не сработают. Я принесу цветы, ты их выкинешь, я приглашу на ужин, ты вместо себя отправишь в ресторан стаю бешеных собак. Ты разожглась не на шутку, снова. И я знаю, как с такой тобой действовать, помню все.

Эти слова заставляют разозлиться еще сильнее, ведь... ведь у нас изначально все не стандартно было.

Наш первый поцелуй случился чуть ли не после драки. Тогда он меня так выбесил, мы поругались, я отхлестала его по лицу, ударила сумкой, а он схватил меня за горло, вжал в сетчатый забор и мы... мы не выдержали.

Поцелуй был продолжением борьбы, в конце я его укусила чуть ли не до крови, чтобы выйти из этого победительницей. А потом... потом мы начали встречаться.

Вместо стандартных свиданок в кафе или кино, сбегание из общаги среди ночи, чтобы погонять на мотоцикле или соревнование в тире, кто более меткий.

Конечно, он дарил мне и игрушки и цветы, но больше меня впечатлил электрошокер в подарок и слова, что это для того, чтобы отгонять обнаглевших одноклассников, ну или если я заревную его к каком-нибудь девчонке.

Применять, конечно же, на нем, в таком случае.

Сейчас бы этот электрошокер как никогда пригодился...

Черт. Зачем я это вспоминаю вообще?

Костя замечает, как я замолкла, наклоняет голову и смотрит на меня тем самым цепким, изучающим взглядом, как тогда, у того самого сетчатого забора после нашего первого поцелуя.

– Прекрати, я ненавижу тебя и это не изменится. – голос дрожит, и я ненавижу себя за эту дрожь. – Ты не вернешь те отношения. Ту меня. Она умерла. Оставь меня с сыном в покое, найди другую зажигалку, если так тяжело.

Костя молчит. Долго. Потом делает шаг ко мне. Я не отступаю.

Стою, задрав голову, готовая противостоять, мне плевать, что он выше на тридцать сантиметров и что я сейчас выгляжу как болонка против слона.

– Света, – говорит Костя тихо и наклоняется ко мне так близко, что я чувствую его дыхание. – Послушай меня внимательно. Не важно, мертвой ты себя считаешь сейчас или нет. Я хочу вернуть тебя и я это сделаю. Даже если для этого нужно будет забрать мальчишку, я заберу. Увезу на другой конец города и буду ждать, пока ты сама прибежишь. Я сделаю все, Свет. Вообще все. Ты ведь меня знаешь.

Я смотрю ему в глаза и вижу... не блефует. Волков абсолютно серьезен. И от этой серьезности у меня по позвоночнику проходит холод.

– Ты не посмеешь, – шепчу я севшим голосом.

– Посмею, Свет. Еще как посмею. Так что подумай. Хорошо подумай.

Он выпрямляется, разворачивается и уходит. Шаги гулко отдаются в вечернем воздухе. Хлопает дверца машины, после чего он уезжает.

А я стою на месте, не могу пошевелиться.

По дороге обратно к маме я думаю о Роме. О том, как он сказал "он мне нравится, мам". О том, как легко и радостно рассказывал про то, что говорил ему дядя.

О том, как он улыбался от общения со своим отцом.

Сегодня вечером мне придется сесть рядом с ним и объяснить то, что я планировала еще раз объяснить.

Что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми. Даже если они с виду добрые. Даже если рассказывают интересные вещи. Даже если говорят, что знакомы с мамой.

Особенно если говорят, что знакомы с мамой. Что есть люди, которые улыбаются, но которым нельзя доверять. Что не все взрослые хорошие.

И тем более не хороший человек чертов Волков.

Глава 9

Участковый, грузный мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами, слушает меня, подперев щеку кулаком.

Я говорю уже минут пятнадцать. Про вторжение в квартиру, про преследование. И что самое главное, про угрозы забрать ребенка.

Полицейский кивает. Записывает что-то. Вздыхает.

– Так, давайте по порядку, – мужчина откладывает ручку и смотрит на меня. – В квартиру вы его сами впустили?

– Я не впускала! Он вошел сам, я пыталась его остановить...

– Но дверь вы открыли. Сами. Добровольно.

– Я думала, что это моя мама! – отвечаю я, едва держась, чтобы не закричать.

– Ну вот видите. Открыли, он зашел. Силу не применял, ничего не сломал, не украл. Ребенку вашему он что-то сделал? Ударил, напугал? – полицейский продолжает мне все объяснять, словно у него появилась полная необходимость дать мне понять, что мне не нужна помощь.

– Нет, но...

– На площадке он что делал? Разговаривал с мальчиком? – участковый поднимает бровь, не давая договорить мне. – Это не преступление. Любой человек может поговорить с ребенком на детской площадке.

– Он угрожал забрать моего сына! Разве этого не должно быть достаточно?!

– Есть свидетели? Запись?

Я молчу. Нет у меня ни свидетелей, ни записи. Только мое слово против его.

– А с работой-то что? Вы говорите, он повлиял на увольнение. Начальник вам это подтвердил?

– Нет. Он сказал, что берет племянницу на мое место. Но перед этим они разговаривали и Волков точно...

Участковый разводит руками, закатывая глаза.

– Ну и что я могу сделать? Нет состава, девушка. Нет угрозы жизни, нет насилия, нет проникновения. Все что я вижу, так это то, что бывший муж хочет помириться. Ходит за вами хвостиком, разговаривает. Ну бывает. Мой вам совет. – полицейский зевает и не стеснясь, делает это чуть ли не во весь рот, – Мужик внимание оказывает, вернуться хочет. Простите его, да и дело с концом. Глядишь, все наладится.

Я смотрю на него и понимаю, что если открою рот, то не остановлюсь и скажу что-то, за что уже меня привлекут.

– Спасибо за уделенное время. Вы прекрасно служите народу, – говорю я с едва сдерживаемым отвращением, встаю и выхожу.

На улице опускаюсь на лавочку у входа в отделение и закрываю глаза.

Уже четвертый день мы с Ромой живем у мамы. Хорошо, что ему нравится гостить у бабушки и он не спрашивает, когда мы поедем домой. Потому что я и сама не знаю, когда.

В садик он больше не ходит. Мама сидит с ним, пока я хожу по собеседованиям. Безуспешно хожу...

Администратор в фитнес-клуб, мы вам перезвоним. Ресепшн в гостинице, вакансии уже занята, спасибо, что пришли. И еще куча других безуспешных собеседований.

А деньги тают. Причем очень даже быстро.

После полиции мне нужно заехать домой за недостающими вещами Ромы.

Он так быстро растет, и те сапоги, которые я оставила в шкафу, скоро будут малы, а покупать новые сейчас хоть и есть на что, но без работы дальше будет только хуже... эти мысли добивают.

Поднимаюсь на свой этаж, достаю ключи и замираю.

У моей двери стоит женщина.

Невысокая, сухая, с прямой спиной и поджатыми губами. Светлые волосы уложены волосок к волоску, на шее тонкая золотая цепочка, на пальцах кольца. Пальто бежевое, дорогое, ни единой складки. Идеальный вид.

Маргарита Олеговна. Мать Константина. Неужели она приехала с сыном?

Мы не виделись четыре года. И до развода она не часто радовала меня своим присутствием. Разве что по праздникам, когда считала нужным заглянуть и между делом заметить, что Костенька мог бы найти кого-то получше меня.

Не при нем конечно это было сказано. При нем она только улыбалась мне и называла меня деточка, дочка и так далее. В общем льстила, как могла.

– Маргарита Олеговна, – говорю я ровно, сжимая ключи в кулаке. – Чем обязана?

Бывшая свекровь оглядывает меня с ног до головы. Медленно, оценивающе. Как товар на распродаже.

– Здравствуй, Света. А ты неплохо выглядишь для женщины в такой ситуации.

– В какой это такой ситуации? – спрашиваю я, уже предвкушая, что разговор будет задушевный.

– Ну как же. Без работы, без мужа, сидишь у мамы с каким-то ребенком. Я тут уже полчаса стою, думала и не встречу тебя, – она поправляет перчатку и смотрит мне в глаза. – Костя повадился к тебе ходить, как я слышала. С чего бы это вдруг?

– Это вы у него спросите, – я вставляю ключ в замок и поворачиваю. – И заодно скажите ему, чтобы сидел дома. А лучше на цепь посадите. Мне его визиты не нужны.

– Ты думаешь, я его контролирую? – Маргарита Олеговна чуть усмехается. – Костю и в детстве-то невозможно было остановить, когда он что-то решал. А уж сейчас...

– Тогда зачем вы здесь? Надеетесь, что я вашего сыночку откажу? Или вновь будете рассказывать мне, какая я плохая и вообще приворожила его.

– Да не иначе приворожила. А то что он к тебе опять ходить начал, спустя столько-то лет, – она складывает руки перед собой и чуть наклоняет голову. – Скажи мне, а это правда, что у тебя сын появился? Приемыша взяла, что ли?

У меня леденеют пальцы, а перед глазами появляется пелена. Вот все ей надо...

Она же явно не просто так спрашивает.

– Это не ваше дело, Маргарита Олеговна.

– Хм, – свекровь разглядывает меня с казалось бы еще большим интересом. – Значит правда. Ну надо же. Три года не могла Косте моему родить, а тут вдруг ребенок. Я уже решила, что ты его украла. На столько уже отчаялась.

– Знаете, что? Идите к сыну и попробуйте его уговорить, – я открываю дверь и поворачиваюсь к ней. – Это будет полезнее, чем стоять тут и задавать вопросы, которые вас не касаются. Да и яд лить вам стоит в другом месте.

Маргарита Олеговна молчит. Поджимает губы и разглядывает меня так, будто решает что-то для себя. А потом улыбается. Тонко, холодно, краешками накрашенных губ.

– Попробую, деточка. Обязательно попробую. Не сомневайся, – она делает паузу, – Не могу же я допустить, чтобы мой сын опять вляпался в... ладно, не важно.

Она произносит это с такой интонацией, что у меня холодеет внутри.

– В любом случае... – Маргарита Олеговна поправляет воротник пальто и разворачивается к лифту, – В прошлый раз у меня получилось. Думаю, и в этот раз справлюсь. Ну, всего доброго, Светочка. Я уж думала тебя с малышом застать, но видимо в следующий раз.

Не понятно, чего она хотела, но ощущение от ее визита самые мерзкие.

Я стою в дверном проеме и не могу пошевелиться.

В прошлый раз у нее получилось... что это может значить?

Она науськала что ли Костю тогда? Да нет, он сам залез же на другую, сделал выбор.

Какая мне вообще сейчас разница от того, кто именно из них испортил мне жизнь?

Даже если они оба, Костя сделал самое главное и основная вина все равно на нем. И этого не исправить.

Глава 10

Квартира встречает меня запахом застоявшегося воздуха.

Я не была здесь почти неделю и это чувствуется.

На кухонном столе стоит чашка с остатками чая, которую я не успела помыть перед отъездом к маме.

На подоконнике цветок который нужно срочно полить.

В Роминой комнате на полу разбросаны детали конструктора.

На эмоциях торопились...

Я захожу к сыну в комнату, сажусь на край кровати и беру с подушки плюшевого динозавра. Рома забыл его, когда мы собирались к бабушке.

Надо его забрать, а то ему не нравится без него спать. Но перед этим...

Верчу игрушку в руках, в очередной раз задумываясь о чертовом Волкове.

Соскучился, понял, что жить без меня не может и готов на любое сумасшествие пойти теперь, лишь бы я дала шанс...

Что он за человек такой вообще? Думает, что можно предать, а потом вот так легко заставить снова любить?

Или ему нужно, просто чтобы я рядом была? Чтобы его "скучалку" Успокоилась, пока снова ненадоет?

Как я вообще могла любить этого наглого козла?!

Жмурюсь до пятен перед глазами и сжимаю в руках игрушку так, что будь она бывшим мужем, он бы сейчас задохнулся к чертям.

Я не понимаю его. И от этого непонимания еще больнее.

Потому что если быть честной с собой, я его не забыла. Плчти четыре года я убеждала себя, что отпустила. Что рана затянулась, что шрам побелел, что все в прошлом.

И вот он появился, как ни в чем не бывало, и оказывается ничего не затянулось. Просто покрылось тонкой корочкой, которую Волков содрал одним своим появлением...

Это потому что он был моим первым мужчиной или потому что я чертова однолюбка?

Сердце болезненно сжимается. Хочется весь дом разнести в надежде, что это поможет успокоиться, но делать этого себе не позволяю.

Стискиваю зубы, пытаюсь заставить себя не думать о бившем муже, но...

Я до сих пор помню, как Костя с огнём смотрел на меня. Как он запрокидывал голову и смеялся так, что у меня мурашки бежали по рукам. Как обнимал меня со спины на кухне, пока я готовила ужин.

Как говорил "моя". Казалось бы одно слово, а внутри все замирало. Волков был моей первой настоящей любовью.

Единственной до сих пор...

И он тот же, кто вошел на эту самую кухню и разнес мою жизнь в щепки.

Я снова жмурюсь, а затем открываю глаза, отпуская динозавра.

Пора бы уже прекратить себя жалеть.

Даже если внутри что-то дрогнуло, даже если старые раны кровоточат, я не имею права на эту слабость. Не теперь. У меня есть Рома.

Ребенок, который доверяет мне больше, чем кому-либо на свете.

Если уж не ради себя, ради него я должна прийти в себя. Я не могу пустить Волкова обратно. Не могу позволить человеку, который способен на такое предательство, быть рядом с моим ребенком.

Я может еще и переживу следующее предательство...

А вот для Ромы это будет куда больнее, особенно если он привыкнет к Косте.

Хватит уже тут переваривать это все... в этом нет смысла.

Я выдыхаю и быстро вытираю слезы, набежавшие на глаза, тут же начинаю собирать вещи.

Сапожки из шкафа, пара штанов, свитер с медведем, который он любит. Динозавра тоже кладу в сумку.

Беру пару своих вещей из спальни, после чего застегиваю сумку.

Вспоминаю, все ли взяла, окидывая квартиру последним взглядом.

Когда я иду на выход, в моем кармане звонит телефон.

Мама. Мы же только разговаривали час назад...

– Мам? Что такое? Мы же совсем недавно говорили. Волков не...

– Света... – голос у мамы такой, что я тут же замолкаю. Такого голоса от нее я не слышала никогда. Сдавленный, дрожащий, на грани срыва. – Света, Рома...

– Что с Ромой?! Мам, что?!

– Он пропал, Света. Рома пропал.

Я не могу поверить в то, что слышу, а сердце и вовсе ухает в самые пятки.

– Как пропал?! Ты шутишь что ли? Мам, что случилось?! – невольно повышаю голос, а сама просто надеюсь, что это не смешная шутка.

– Мы пошли на площадку, – мама говорит быстро, сбивчиво, и я слышу, как она едва сдерживает рыдания. – Мы играть стали, я всегда рядом. Никуда от него не уходила. И ни на кого не отвлекалась. Я ему говорила, что мы не будем играть в прятки, но ты же знаешь Ромку... ох, Света... я его уже по всей площадке обыскала!

– Мам, ты полицию вызвала?!

– Вызвала, уже едут. Света, я не знаю как... я не выпускала его из вида, я клянусь тебе...

– Успокойся и продолжай искать. Я скоро буду.

Я не слушаю дальше. В голове остается только одна мысль, острая и ясная как вспышка. Волков и его слова.

"Даже если нужно будет забрать мальчишку, я заберу."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.